

А. В. Епимахов, Э. Р. Усманова

НОВЫЙ ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ПАМЯТНИК ВРЕМЕНИ ПЕРЕХОДА ОТ БРОНЗОВОГО ВЕКА К ЖЕЛЕЗНОМУ

A. V. Epimakhov, E. R. Usmanova

NEW FUNERAL SITE OF THE TRANSITIONAL TIME FROM THE BRONZE EPOCH TO THE EARLY IRON AGE

Статья посвящена результатам раскопок могильника Лисаковский VI (курган 2), датированным первыми веками I тыс. до н. э. (в системе калиброванных радиоуглеродных дат). Под очень небольшой каменной насыпью исследовано индивидуальное парциальное захоронение, керамический сосуд, каменный жертвенник и раковину ископаемого моллюска. Многочисленные следы воздействия огня были выявлены на разных этапах раскопок. Рассматриваемый период очень слабо документирован археологическими материалами, поскольку связан со становлением номадизма и разнонаправленными миграциями в степной зоне. В конце бронзового века радикально меняется вся система коммуникаций.

Ключевые слова: *финал эпохи бронзы, Северный Казахстан, погребальная обрядность, идеология, культурогенез.*

The article is about the results of excavation of Lisacovskii VI cemetery (kurgan 2), dated by the first centuries of I millennium cal BC. Very small stone burial mound contained single grave with partial skeleton, ceramic vessel, small stone altar and fossil mollusk shell. Many traces of fire were found in the process of excavation. This complex has only some analogies (burial rites and goods) in the materials of the Ural and Kazakhstan. The period is poorly documented with the archaeological records, because this time was characterized by the nomadic traditions forming and multidirectional migrations in the steppe zone. The system of communication changed radically in the end of the Bronze epoch.

Keywords: Final Bronze epoch, Northern Kazakhstan, burial rites, ideology, genesis of cultural tradition.

Проблема переходных эпох в археологии — одна из наиболее сложных. Не является исключением рубеж бронзового и раннего железного веков для азиатской части степной зоны. Прежде всего, затруднения вызывает процесс установления круга источников. Не упрощает ситуации и коренная трансформация всего жизненного уклада, обусловленная переходом к номадизму в указанное время, в результате которой в распоряжении исследователей остаются только сравнительные материалы по погребальной обрядности. Не вполне ясен и экологический фон интересующих нас событий и процессов, растянувшихся, видимо, на довольно длительный период времени¹. Намеченные контуры миграционной составляющей требует уточнения и насыщения конкретными фактами, накопление которых идет отнюдь не быстро. Характер могильников этого таков², что приращение материалов идет очень медленно и каждый комплекс или надежно атрибутируемая находка вносит новые элементы в понимание общей ситуации. Именно такой памятник был исследован на территории Кустанайской области (Республика Казахстан).

Могильник Лисаковский VI расположен в бассейне р. Тобол близ одноименного города и включает разновременные сооружения. Интересующему

нас объекту в ходе исследования был присвоен № 2 и он был интерпретирован как курган-ограда. Сооружение фиксировалось на поверхности по каменному набросу, высотой 0,3 м (в дальнейшем все нивелировочные отметки даны от самой высокой точки насыпи), диаметр расплывшейся насыпи около 8,0 м. Насыпь кургана — плотная супесь коричневого цвета, с большим количеством плитняка. Особо плотная забутовка из камней наблюдалась в центре курганной насыпи, на месте погребальной камеры.

После снятия насыпи обнаружилась подкурганная выкладка из уложенных плашмя камней в форме S-образной фигуры. Камни преимущественно геометрических форм, размерами 0,3 × 0,4 м — 0,4 × 0,5 м красноватого цвета уложены на искусственную подсыпку из супеси темно-коричневого оттенка. Близ центра площадки между камнями фиксировались фрагменты горелого дерева (ветки?) длиной около 0,3 м. После расчистки каменного завала в центре отмечена выкладка из мелких колотых камней, овальная в плане, размерами 2,0 × 1,0 м, ориентированная по линии СВ — ЮЗ. При ее дальнейшем изучении были выявлены конструктивные детали выкладки, а именно западная сторона, обрамленная

лежащими плашмя камнями крупных размеров (0,4 × 0,5 м), укрепленных мелкими камнями (–35). Между камнями находились кусочки горелых веток, длиной до 4 см.

Профиль (С—Ю) хорошо иллюстрирует основное заполнение сооружения — супесь темно-коричневого цвета с большим количеством плитняка. В центре фиксировалась выкладка котлообразной формы из плотно положенных камней (1,5 × 0,5 м). К северу от нее в профиле отмечены фрагменты горелых веток длиной до 0,3 м. Остатки погребенной почвы — супесь коричневого цвета, почти черного цвета, длиной 1,0—1,3 м (вдоль линии профиля), толщиной 0,1 м. — читались по периферии. Центр подкурганной площадки (менее 4 м) был освобожден от гумуса до скального основания желто-коричневого цвета. Если внешнюю границу погребенной почвы рассматривать в качестве периметра сооружения, то его первоначальный размер составлял около 6 м в диаметре.

Внутри каменной выкладки выявлены очертания могильной ямы овальной формы, размерами 2,0 × 1,0 м (–45), забутованной камнем. С восточной стороны могильной ямы отмечен овальная ниша (0,8 × 0,4 м, высотой 0,1 м), сделанная на скальном материковом выходе. Ближе к дну размеры погребенной сократились (1,7 × 0,5 м). Заполнение — супесь коричневого цвета с сажистыми включениями. Следы сажи фиксировались и на некоторых камнях. Вдоль западной и восточной стенок камеры отмечались следы сажистого грунта, но при этом следов прокала не наблюдалось. Среди камней встречались отдельные фрагменты горелых веток. На приступке был найден фрагмент черепа (2 × 4 см), который в результате воздействия температуры приобрел черный цвет и «залощенную» поверхность. Несколько фрагментов кремнированного до черноты черепа обнаружено также в южной части ямы выше дна. Они лежали в виде полукруга, возможно, имитировали округлость черепной коробки. Рядом находился жертвенник, прямоугольной формы из красноватого песчаника. Посредине восточной стороны отмечался небольшой уступ. На нем располагался камень, прямоугольной формы, размерами 0,1 × 0,14 м. По всей видимости, уступчик был предназначен для спуска в могильную яму. Посредине южной покатой стенки наклонно лежал археологически целый сосуд в развале (–75 см). Рядом с ним, справа найдена миниатюрная бронзовая пластина прямоугольной формы (1,0 × 0,5 см), слева — фрагмент горелой кости. У середины западной стенки выявлена ископаемая раковина (–70).

В северной половине ямы на дне (–95 — –100) расчищены кости ног человека: одна левая бедренная и параллельно друг другу две берцовые кости. Расстояние между ними 12 см. В 15 см от берцовых костей выявлены фаланги стоп и единственная пяточная кость. Кости плохой сохранности и без следов обожжения были, вероятно, уложены с целью имитировать положение костяка вытянуто на спине. Судя по ним, предполагаемый погребенный был ориентирован головой на ЗЮЗ. Дно камеры — скальный выход — имело корытообразную форму. Зафиксированный способ обращения с умершим

(кремированный череп, отсутствие большинства костей, имитация позы вытянуто на спине) — весьма необычен.

Судя по некоторым, хотя и не очень многочисленным, аналогам обряда³, мы имеем дело с памятником переходного времени. Об этом свидетельствуют, малые размеры кургана и могилы, использование камня, положение и ориентировка погребенного и даже неполнота скелета с элементами кремации. Да и локализация могильника на высоких участках заметно отличает памятники этого круга от предшествующей эпохи бронзы. Не противоречат заключению и единичность кургана и погребения, а также небольшое количество инвентаря. Исключительно редко в его составе обнаруживается посуда, что серьезно затрудняет культурную атрибуцию. В нашем случае она представлена небольшим горшком с округлым плечом, расположенным чуть выше середины тулова, короткой шейкой, приостренным венчиком с ребром на его внутренней стороне. Плоское дно оформлено закраиной. Высота составляет 19 см, диаметр по венчику — 20 см. Орнамент представляет собой нерегулярный зигзаг (прочерчивание) в верхней части сосуда и ряд округлых вдавление под венчиком. Такой вариант орнаментации не характерен для степных древностей бронзового века, в том числе для сарагринской культуры (ПБВ III). Зато он хорошо представлен в памятниках ПБВ IV разных регионов лесостепной зоны. Географически наиболее близкой является бархатовская культура, где посуда с такой орнаментацией особенно часто (до 30% всей керамики) встречается на поздних этапах⁴. Кроме того, следует назвать также поселение Кеноткель X, где найдена плоскодонная посуда баночных форм, часть которой имела оттянутый наружу венчик с внутренним ребром и ямочно-жемчужную орнаментацию⁵. Данный памятник не единственный пример объекта со сходной керамикой в Северном Казахстане⁶, на Урале⁷ и Алтае⁸. На некоторых из них обнаружены датирующие категории инвентаря, позволившие предложить датировку самого начала раннего железного века.

Анализируемый комплекс, на первый взгляд, прямых возможностей для датирования не предоставляет. С некоторой натяжкой в качестве таковой можно использовать каменную плитку по размерам (9 × 13 × 2,2—3,4 см), форме и вогнутой поверхности напоминающую жертвенники ранних кочевников. Однако посуда и особенно обрядовые черты захоронения не соответствуют стереотипам РЖВ. Для двух более близких по обряду комплексов (Верблюжьих Горки и Кудрявая Сопка I) имеются радиоуглеродные даты, калиброванные значения которых — 10—9 вв. до н. э., что хронологически сближает их с позднейрменскими и поздними бархатовскими сериями, а не с сакскими и родственными им древностями.

Работа выполнена в рамках Федеральной целевой программы «Коммуникации Центральной Евразии: от древности к Новому времени».

Примечания

1. Епимахов А. В., Таиров А. Д. К вопросу о переходе от бронзового к раннему железному веку в Урало-

Иртышском междуречье (степь и лесостепь) // Российский археологический ежегодник. — Вып. 3. — СПб., 2013. В печати.

2. Епимахов А. В. «Темные века» эпохи бронзы Южного Зауралья // Российская археология. — 2010. — № 2. — С. 39—50.

3. Гарустович Г. Н. Погребения переходного времени от эпохи бронзы к раннему железному веку в Башкирском Зауралье // Уфимский археологический вестник. — 2000. — Вып. 2. — С. 123—128; Епимахов А. В. Завершающие века эпохи бронзы Южного Зауралья: штрихи к портрету // Проблемы археологического изучения Южного Урала. — Челябинск : Абрис, 2009. — С. 56—66; Костюков В. П., Ражев Д. И. Погребения из курганной группы Верблюжья Горки и некоторые проблемы перехода от эпохи бронзы к раннему железному веку в Южном Зауралье // Вестник ЧГПУ. Сер. 1: Исторические науки. — № 2. — С. 129—149; Ломан В. Г., Кукушкин И. А. Могильник Кудрявая Сопка 1 // Изучение историко-культурного наследия Центральной Евразии: «Маргулановские чтения — 2008». — Караганда, 2009. — С. 91—96; Хабдулина М. К. Погребальный обряд населения раннего железного века Степного Казахстана (VIII—

II вв. до н. э.) // Ранний железный век и средневековье Урало-Иртышского междуречья. — Челябинск : Изд-во БГУ, 1986. — С. 3—25 и др.

4. Матвеев А. В., Аношко О. М. Зауралье после андроновцев: Бархатовская культура. — Тюмень : Тюменский дом печати, 2009. — С. 255—257.

5. Хабдулина М. К. Степное Приишимье в эпоху раннего железа. — Алматы : Гылым-Ракурс, 1994. — С. 66—67.

6. Хабдулина М. К. Поселения раннесакского времени на реке Селеты // Степная цивилизация Восточной Евразии. — Т. 1. Древние эпохи. — Астана, 2003. — С. 189—214.

7. Савельев Н. С. Поселение раннесакского времени Улек-Хазы-2 в горно-степной зоне Южного Зауралья // Археологические памятники Оренбуржья. — Вып. 8. — Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2007. — С. 93—98.

8. Фролов Я. В., Папин Д. В., Шамшин А. Б. Горелый Кордон — 1 — первое поселение переходного периода от эпохи поздней бронзы к раннему железному веку на юге Кулунды // Северная Евразия в эпоху бронзы: пространство, время, культура. — Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2002. — С. 135—139.

Поступила в редакцию 10 января 2013 г.

ЕПИМАХОВ Андрей Владимирович, профессор кафедры «Древняя история и этнология Евразии», Южно-Уральский государственный университет (Челябинск, Россия), доктор исторических наук (2011), доцент (2004), автор более чем 180 публикаций, включая три авторские монографии и девять глав в коллективных монографиях. Сфера интересов — древняя история Северной Евразии, социальная археология. E-mail: eav74@rambler.ru

EPIMAKHOV Andrey Vladimirovich, professor of Department of Ancient History and Ethnology of Eurasia (South Ural State University) (Chelyabinsk, Russia), Dr, author of more than 180 works, including three monographs and nine chapters of collective books. The field of interests covers problems of ancient history of Northern Eurasia and social archaeology. E-mail: eav74@rambler.ru

УСМАНОВА Эмма Радиковна, научный сотрудник, Сарыаркинский археологический институт Карагандинского государственного университета им. Е. А. Букедова. E-mail: emmadervisk2004@mail.ru

USMANOVA Emma Radikovna, researcher of Saryarka Archaeological Institute of E. A. Buketov Karaganda State University. E-mail: emmadervisk2004@mail.ru